

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕФИНИЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Автор предлагает ответ на вопрос о том, является ли отсутствие общепринятого международного определения термина «экстремизм» препятствием к сотрудничеству между разными странами в борьбе с этим явлением. Он анализирует правовые особенности четырех наиболее распространенных в мире дефиниций современного экстремизма и приходит к выводу, что в основе каждой из них лежит угроза базовым ценностям государства. Отсутствие единого стандарта экстремизма объясняется тем, что каждая из стран придерживается своих специфических ценностей и своих стандартов общественного устройства. Каждая из дефиниций экстремизма подразумевает наличие разных групп экстремистов. В то же время, анализируя тенденции законодательной практики разных стран, автор заключает, что интересы безопасности, которые становятся приоритетными для избирателей в условиях роста террористической опасности, побуждают сегодня даже те страны, которые традиционно принадлежат к лагерю «старых демократий», корректировать свои взгляды на традиционные демократические ценности, допуская отход от них при определенных обстоятельствах. В перспективе это может привести к сближению позиций разных стран в оценке экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, ненависть, социальная группа, демократические ценности, правовая система, социальная безопасность

¹ Энгель Валерий Викторович – директор Центра изучения экстремизма и радикализма при Московском экономическом институте (Москва), кандидат исторических наук, ORCID: 0000-0003-1617-581X, e-mail: valery.engel@yandex.ru.

Для цитирования: Энгель В. В. Современные дефиниции экстремизма: компаративный анализ // Российский юридический журнал. 2021. № 5. С. DOI: 10.34076/20713797_2021_5_

В мире сегодня не существует общего понимания термина «экстремизм». Условно можно выделить определение экстремизма, выработанное Парламентской ассамблеей Совета Европы (далее – ПАСЕ), «американскую» дефиницию, «британскую» дефиницию и дефиницию, предложенную Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС).

В Резолюции № 1344 ПАСЕ «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (принята на 26-м заседании ПАСЕ 29 сентября 2003 г.)¹ экстремизм рассматривается как «форма политической деятельности, явно или исподволь отрицающая принципы парламентской демократии и основанная на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма». При этом с целью защиты демократических ценностей ПАСЕ призвала государства-члены Совета Европы «предусмотреть в своем законодательстве возможность ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений для целей борьбы с экстремизмом» при соблюдении требований Европейской конвенции о правах человека (ст. 13 указанной Резолюции). В частности, ПАСЕ посчитала, что необходимо применять (а если их нет, то ввести) «действенные наказания» за экстремизм, включая публичные призывы к насилию и нетерпимости, меры по приостановлению деятельности и даже роспуску экстремистских партий и движений, предотвращать возобновление их деятельности, в том числе в другой организационной форме, и пр.

1

URL:

[https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 08.09.2021).

Положения этой Резолюции фактически были подтверждены через семь лет Резолюцией ПАСЕ № 1754 (принята на 30-м заседании ПАСЕ 5 октября 2010 г.)¹. Несмотря на ряд оговорок о необходимости соблюдения Европейской конвенции о правах человека и сомнения в «соответствии антиэкстремистского законодательства, принятого в некоторых государствах-членах Совета Европы, международным документам по правам человека», ПАСЕ еще раз призвала государства-члены ввести в уголовное законодательство положения, запрещающие подстрекательство к расовой ненависти или ненавистническим высказываниям; обеспечивать систематическое и последовательное применение антиэкстремистского законодательства ко всем формам экстремизма, а также обеспечить соблюдение предусмотренных их законодательством наказаний за публичное подстрекательство к насилию, расовой дискриминации и нетерпимости, включая исламофобию.

Указанные резолюции логически проистекали из ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., которая не просто осудила всякую «пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения, или пытающиеся оправдать, или поощряющие расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме», но и потребовала от государств-участников «принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации».

Тем самым ПАСЕ называет главной отличительной чертой экстремизма угрозы, которые он несет *демократическим ценностям*, криминализирует возбуждение ненависти и вражды к *социальной группе*, а также *объявляет вне закона те организации*, которые осуществляют и поощряют эту деятельность.

1

URL:

[https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2010\]/%5BOct2010%5D/Res1754_rus.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2010]/%5BOct2010%5D/Res1754_rus.asp) (дата обращения: 08.09.2021).

Однако призывы ввести уголовную ответственность за разжигание ненависти и выражение своих взглядов, пусть даже экстремистских, противоречит американскому подходу, основанному на букве и духе Первой поправки к Конституции США, защищающей право на выражение любых взглядов (принята как часть Билля о правах 17 декабря 1791 г.). Согласно разъяснениям Департамента внутренней безопасности США только конкретные действия, подпадающие под определения «терроризм», «насильственный экстремизм» и «преступление на почве ненависти», считаются преступлениями по законодательству США¹. Ни пропаганда ненависти, ни возбуждение вражды к социальной группе, ни распространение любых идей, включая ненавистнические, не признаются преступлением в соответствии с этими нормами.

Терроризмом в американском уголовном праве называются преступления, «связанные с насильственными действиями или действиями, опасными для жизни человека, которые являются нарушением уголовного законодательства Соединенных Штатов или любого штата» (§ 2331 Кодекса США)², причем независимо от того, совершены ли они в пределах юрисдикции США. Чтобы считаться террористическими, эти преступления должны быть направлены на «запугивание и принуждение гражданского населения, влиять на политику правительства путем запугивания или принуждения или влиять на поведение правительства путем массового уничтожения, убийства или похищения людей».

Насильственный экстремизм в американской правовой системе – это активность, напрямую и явно связанная с насилием, но выходящая за рамки американского понимания терроризма и включающая «пропаганду, участие, подготовку, вовлечение или иную поддержку» любого идеологически

¹ USAID Policy. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. 2011. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/VEI_Policy_Final.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

² 18 U. S. Code § 2331 – Definitions. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2331> (дата обращения: 08.09.2021).

мотивированного насилия или насилия, «оправдывающему достижение определенных социальных, экономических и политических целей»¹. Иными словами, американское законодательство трактует экстремизм как расширенное понятие терроризма, что нехарактерно для правовой традиции европейских стран. В то же время в американском законодательстве прямо упоминается социально-экономический, политический и культурный фон, который может быть причиной насильственного экстремизма.

Преступление на почве ненависти (или на *почве предвзятости*) с точки зрения американского права не является отдельным преступлением экстремистского характера, поскольку оно трактуется как отягчающее обстоятельство при совершении любого преступления, когда преступник умышленно выбирает жертву на основании ее расы, цвета кожи, религии, национального происхождения, этнической принадлежности, пола, инвалидности или сексуальной ориентации. То есть это дополнительное обстоятельство, которые *отягощает ответственность*, а иногда и трансформирует «деяние» в «преступление», связанное с насильственным экстремизмом, но не отдельное преступление, что регламентируется § 245 Кодекса США².

Движение законодательства европейских стран в сторону криминализации возбуждения вражды и ненависти к представителям отдельных социальных групп, происходит постепенно и непоследовательно. Главной причиной этого является существенное идеологическое и политическое влияние США на европейскую правовую систему.

Например, ненавистнические высказывания упоминаются в ст. 137с.1, 137d.1 и 137е.1.1 Уголовного кодекса Нидерландов³. Однако они, согласно

¹ USAID Policy. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. 2011.

² 18 U. S. Code § 245 – Federally protected activities. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/245> (дата обращения: 08.09.2021).

³ URL: http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/2014%20seminars/Omsenie/WetboekvanStrafrecht_ENG_PV.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

действующему законодательству, не квалифицируются в качестве отдельного преступления. Эти деяния, как и в США, являются лишь отягчающими обстоятельствами, что дает основание прокурорам требовать увеличения наказания. Несмотря на то что в Уголовный кодекс страны введено упоминание о «социальной группе» как объекте ненависти, этот термин остается слишком расплывчатым, о чем говорит Отчет о проявлениях дискриминации правительства страны за 2018 г.¹

В Германии экстремизм определяется как политическая деятельность, направленная «против конституционного строя и на уничтожение основ свободного демократического строя»². Антиэкстремистское законодательство Германии объявляет уголовным преступлением *распространение ненависти* и предусматривает запрет и преследование всех организаций, проповедующих *идеологию ненависти, оправдывающие расовую, религиозную или этническую вражду* и пр. (ст. 86, 86а и 130 Уголовного кодекса ФРГ)³. Кроме того, в ФРГ существует уголовная ответственность за отрицание Холокоста, а также преследуется антиконституционная (нацистская и прочая экстремистская) символика.

Существует мнение, что «расширенное» толкование экстремизма, предложенное Советом Европы, страдает неконкретностью формулировок, затрагивает право на самовыражение, а «американское» определение конкретно и не противоречит принципам свободы слова⁴. Поэтому Еврокомиссия и другие

¹ URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2019/04/16/discriminatiecijfers-in-2018> (дата обращения: 08.09.2021).

² Глоссарий Федерального ведомства по защите конституции Службы внутренней разведки ФРГ. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/_1E (дата обращения: 08.09.2021).

³ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

⁴ Jackson S. A schema of right-wing extremism in the United States. // ICCT Policy Brief. 2019. October. URL: <https://icct.nl/app/uploads/2019/11/ASchemaofRWEXSamJackson-1.pdf> (дата обращения: 08.09.2021)

органы ЕС часто руководствуются не Резолюцией ПАСЕ № 1344, а американским стандартом, где основной отличительной чертой экстремизма является насилие. Так, выпущенная Еврокомиссией в 2016 г. совместно с Аналитическим центром по вопросам международной обороны и безопасности (RUSI) брошюра «STRIVE for Development», посвященная борьбе с экстремизмом и радикализацией, акцентирует внимание только на насильственном экстремизме и терроризме. При этом в документе утверждается, что «экстремистские взгляды необязательно являются незаконными и не приводят автоматически к насилию или вреду; те, кто предпочел придерживаться экстремальных практик, не затрагивающих гражданские свободы сограждан, защищены в соответствии с основными свободами и нормами прав человека»¹. Именно по этой причине большинство стран Запада во главе с США еще в 1965 г. сделали оговорки к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.

Однако есть и другая точка зрения, согласно которой американское определение экстремизма слишком сфокусировано на насилии, по сути, исключая широкий спектр явно экстремистской деятельности, такой как сегрегация, запреты межрасовых браков, запреты на работу для определенных социальных групп, выражение ненависти по отношению к той или иной социальной группе и т. д. Как отмечал Дж. М. Бергер, научный сотрудник Проекта контртеррористических стратегических коммуникаций (CTSC), «мы зачастую не говорим об экстремистских движениях, которые еще не ступили на путь насилия, до тех пор, пока они однажды не совершат насильственное действие». В результате, констатирует он, «у нас (в США) возникла большая проблема»: государство не в состоянии эффективно контролировать распространение ненависти среди целых групп населения, что неизбежно ведет

¹ STRIVE for development. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/fa674e18-7974-11e6-b076-01aa75ed71a1> (дата обращения: 08.09.2021).

к радикализации их отдельных представителей и провоцирует их на насилие¹. Иными словами, причины, ведущие к насилию, остаются за рамками действующего законодательства.

«Британская» дефиниция понятия «экстремизм» является наглядным примером постепенного отхода от теории насильственного экстремизма к трактовке, предложенной ПАСЕ. Британия, как известно, всегда разделяла американскую точку зрения на вопросы соблюдения прав человека и борьбы с экстремизмом, что в очередной раз было зафиксировано, например, в правительственной Стратегии антиэкстремистской деятельности, утвержденной британском парламентом 19 октября 2015 г.² Более того, британское законодательство развивается в рамках общей англо-американской правовой системы.

Тем не менее в 2019 г. независимый правительственный советник по экстремизму С. Хан призвала к пересмотру стратегии правительства. 7 октября 2019 г. возглавляемая ей правительственная Комиссия по противодействию экстремизму опубликовала свои выводы и рекомендации в докладе «Борьба с ненавистническим экстремизмом»³. В нем названа новая разновидность экстремистского поведения, помимо терроризма и насильственного экстремизма, – «экстремизм ненависти» (ненавистнический экстремизм). Он определяется как поведение, которое:

¹ *Simms J.* Are we talking about extremism all wrong? // *New America*. 2018. 27 Sept. URL: <https://www.newamerica.org/weekly/are-we-talking-about-extremism-all-wrong/> (дата обращения: 08.09.2021).

² URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/470088/51859_Cm9148_Accessible.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

³ *Independent adviser calls for overhaul of extremism strategy* // *Gov.uk*. 2019. 7 Oct. URL: <https://www.gov.uk/government/news/independent-adviser-calls-for-overhaul-of-extremism-strategy> (дата обращения: 08.09.2021).

может разжигать и усиливать ненависть, или поддерживать стойкую ненависть, или допускать двусмысленные высказывания по поводу насилия и оправдание насилия моральными соображениями;

основано на ненавистнических, враждебных или расистских убеждениях, направленных против чужой *группы*, которая воспринимается как угроза благополучию, выживанию или успеху своей группы (определяемой как жертва);

причиняет или может причинить вред отдельным лицам, *сообществам* или *обществу* в целом.

В отличие от американского подхода, который, как правило, фокусируется на угрозах личности, британский подход рассматривает как риск для демократических устоев государства также угрозы *социальной группе*. Пока такой подход не оформился в виде закона. Тем не менее движение Британии в данном направлении вызвано очевидной необходимостью борьбы с террором и той волной ненависти, которая захватывает страну¹.

Очевидно, что отказ европейских стран от классической модели защиты свободы слова в пользу интересов безопасности происходит в силу усилившейся террористической активности в мире, а также в силу очевидного увеличения числа так называемых испуганных избирателей, которые готовы проголосовать даже за правых радикалов, если те гарантируют им безопасность в новых условиях².

«Шанхайская» дефиниция экстремизма впервые была сформулирована 15 июня 2001 г. на конференции ШОС в подписанной странами-участниками

¹ *Allen C.* The UK's «Hateful Extremism» report: more muddled thinking on an already over-crowded pitch // Open Democracy. 2019. 18 Oct. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/hateful-extremism-and-radical-right-we-need-new-definitions/> (дата обращения: 08.09.2021).

² *Engel V.* Europe is caught in a wheel of xenophobia // Fair Observer. 2018. 8 Nov. URL: <http://www.fairobserver.com/region/europe/xenophobia-europe-anti-semitism-islamophobia-far-right-politics-news-87102/> (дата обращения: 08.09.2021).

Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹. Согласно ей экстремизм – это «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон». Очевидно, что «шанхайская» дефиниция в ее первом варианте также говорит о насильственных антиконституционных действиях, но она, в отличие от «американской» дефиниции, делает акцент на насильственном изменении именно *конституционного строя государства и насильственном захвате власти*, упуская из виду угрозы в отношении расы, религии, этнического происхождения и пр., и не упоминает, в отличие от определения ПАСЕ, демократические ценности.

9 июня 2017 г. страны ШОС, включая Индию и Пакистан, подписали Конвенции по противодействию экстремизму², в которой модернизировали дефиницию экстремизма, охарактеризовав его как «идеологию и практику, направленную на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий». Иными словами, экстремизм, согласно новому «шанхайскому» определению, это антиконституционный способ разрешения конфликтов. При этом тезис об «иных антиконституционных действиях» выводит перечень угроз за пределы насильственных действий, однако новая «шанхайская» дефиниция, в отличие от определения ПАСЕ, не рассматривает угрозу демократическим ценностям в качестве главной характеристики экстремизма. Такой характеристикой остается угроза

1

URL:

https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/International_legal_documents/Conventions/shanghai_convention.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/542655220> (дата обращения: 08.09.2021).

конституционному строю, как это было в первом варианте. В то же время любой конституционный строй основывается на ценностях, которые далеко не всегда являются демократическими, но выступают *базовыми* для того или иного государства.

Модернизированная «шанхайская» дефиниция имеет два явных недостатка.

Во-первых, обращает на себя внимание расплывчатость и неконкретность формулировок, еще более очевидная, чем в определении ПАСЕ. В конкретизации нуждаются такие характеристики экстремистских видов деятельности («экстремистского акта»), как «антиконституционный путь разрешения конфликтов», «разжигание розни», «публичные призывы» к осуществлению экстремистской деятельности, «массовое изготовление» экстремистских материалов и т. д. В результате неконкретности формулировок законодатели в странах «шанхайской группы» фактически делегировали ответственность за имплементацию антиэкстремистского законодательства правоприменителю, что создало широкие возможности для злоупотреблений¹. На это обратила внимание и Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) в своем мнении от 20 июня 2012 г. № 660/2011, касающемся Закона РФ «О противодействии экстремизму»².

Во-вторых, включение в перечень экстремистских актов *разжигания политической и социальной розни*, а также *пропаганды социальной и политической исключительности* критикуется рядом экспертов за то, что позволяет приравнять к экстремистским все оппозиционные силы (особенно

¹ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в России. Ежегодный доклад. 2016 год / гл. ред. В. В. Энгель. М.: Эдитус, 2017. С. 44–46. URL: <https://www.ru.civics-nation.org/upload/iblock/a11/a11382a6978c5ed4ae54ac7fb249bb84.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).

² European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Opinion on the Federal Law on Combating Extremist Activity of the Russian Federation, no. 660/2011, 20 June 2012. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2012\)016-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2012)016-e) (дата обращения: 08.09.2021).

левые и непарламентские). Утверждается, что грань между пропагандой политической исключительности и, например, социальной розни, с одной стороны, и предвыборной полемикой, где, скажем, левые политики говорят о противоречиях между социальными классами и преимуществах своей партии, – с другой, очень условна¹.

Антиэкстремистское законодательство стран-участников ШОС развивается в соответствии с «шанхайской» дефиницией, однако каждая страна внесла в законодательство свои нюансы. Например, китайский законодатель определил экстремизм как идеологическую основу терроризма (ст. 4 Закона КНР «О борьбе с терроризмом»)², а российский указал в качестве основного бенефициара антиэкстремистской деятельности не только государство, что в целом свойственно для стран «шанхайской группы», но также социальную группу, что соответствует определению ПАСЕ, и даже отдельную личность³, что характерно для «американского» определения.

Таким образом, в мире нет «золотого стандарта» понимания экстремизма, потому что динамика социально-политических процессов не позволяет учесть все нюансы развития общества в разных странах, их политические и социальные традиции, а конфликт между ценностями и политическими интересами, интересами общественной безопасности не позволяет выработать единый подход, в равной степени удовлетворяющий все страны.

Безусловно, отсутствие общего подхода к определению экстремизма мешает совместной борьбе с ним. В общественном дискурсе часто возникает вопрос, можно ли выработать общее, «консенсусное» определение

¹ Антиэкстремистская политика в России, Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане. Сравнительный обзор. М.: Центр «Сова», 2020. С. 68–69. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/wg-4-2020-rus.pdf> (дата обращения: 08.09.2020).

² URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2015-12/27/c_128571798.htm (дата обращения: 08.09.2021).

³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О противодействии экстремистской деятельности».

экстремизма, которое помогло бы в совместном противодействии ему. Действительно, анализ вышеуказанных дефиниций экстремизма позволяет выделить общие характеристики данного феномена:

приверженность крайним взглядам и методам их реализации;

деятельность, направленная не на развитие и эволюцию, а на *слом существующих систем*, а также на уничтожение *базовых ценностей*, заложенных в основу законодательства той или иной страны;

нетерпимость, нелегитимность, ненависть или насилие по отношению к *меньшинствам и приверженцам противоположных взглядов*.

Общее (консенсусное) определение экстремизма можно сформулировать так: это деятельность, основанная на приверженности крайним взглядам и направленная на уничтожение базовых ценностей, разрушение существующих социальных, политических и экономических систем, характеризующаяся нетерпимостью, ненавистью или насилием по отношению к ним, а также к тем, кто, по мнению экстремистов, несет ответственность за происходящее, прежде всего к меньшинствам и сторонникам противоположных взглядов. Упоминание приверженности крайним взглядам является в данном случае ключевым, поскольку демонстрирует прямую связь между разрушительными действиями и причинами их возникновения. Не имея крайних взглядов, человек не может заниматься экстремистской деятельностью.

При этом характеристика деятельности, направленной на системное разрушение, должна быть установлена в национальном законодательстве, поскольку ее определение зависит от специфики соответствующей правовой системы. Если в американском законодательстве под указанной деятельностью понимаются только насильственные и связанные с ними действия, то в законодательство ряда других стран таковой считается не только насилие, но и действия, направленные на формирование ненавистнических взглядов в отношении как личности, так и социальной группы, а также государства.

Важность предложенного определения состоит в том, что оно помогает лучше понять суть современного экстремизма, высвечивает его важнейшую

черту – направленность на разрушение базовых ценностей. Для Запада это демократия и права человека (хотя во многих странах Европы в связи с высоким уровнем террористических угроз сегодня отдается приоритет интересам безопасности); для восточных деспотий – это угроза гарантированному ими общественному укладу, в том числе со стороны демократических сил; для многих стран бывшего СССР – это угроза этнократическому характеру их государств и т. д.

Поскольку отдельные группы стран разделяют разные, иногда прямо противоположные ценности, они рассматривают в качестве экстремистских самые разные политические силы, которые далеко не всегда идентичны и часто противоположны. Поэтому основная проблема состоит не в отсутствии общего понимания экстремизма, а в отсутствии единых ценностей. Именно поэтому совместная борьба с этим явлением на международной арене всегда будет возможна только в сфере противодействия террористической деятельности, но вряд ли в других сферах.

Список литературы

Антиэкстремистская политика в России, Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане. Сравнительный обзор. М.: Центр «Сова», 2020. 71 с. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/wg-4-2020-rus.pdf> (дата обращения: 08.09.2020).

Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в России. Ежегодный доклад. 2016 год / гл. ред. В. В. Энгель. М.: Эдитус, 2017. 53 с. URL: <https://www.ru.civics-nation.org/upload/iblock/a11/a11382a6978c5ed4ae54ac7fb249bb84.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).

Allen C. The UK's «Hateful Extremism» report: more muddled thinking on an already over-crowded pitch // Open Democracy. 2019. 18 Oct. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/hateful-extremism-and-radical-right-we-need-new-definitions/> (дата обращения: 08.09.2021).

Engel V. Europe is caught in a wheel of xenophobia // Fair Observer. 2018. 8 Nov. URL: <http://www.fairobserver.com/region/europe/xenophobia-europe-anti-semitism-islamophobia-far-right-politics-news-87102/> (дата обращения: 08.09.2021).

Jackson S. A schema of right-wing extremism in the United States. // ICCT Policy Brief 2019. October. URL: <https://icct.nl/app/uploads/2019/11/ASchemaofRWEXSamJackson-1.pdf> (дата обращения: 08.09.2021)

Simms J. Are we talking about extremism all wrong? // New America. 2018. Sept. 27. URL: <https://www.newamerica.org/weekly/are-we-talking-about-extremism-all-wrong/> (дата обращения: 08.09.2021).

STRIVE for development. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/fa674e18-7974-11e6-b076-01aa75ed71a1> (дата обращения: 08.09.2021).

UDC 343

DOI: 10.34076/20713797_2021_5_

CONTEMPORARY DEFINITIONS OF EXTREMISM: A COMPARATIVE ANALYSIS

Engel' Valeriy – center director, Moscow Economic Institute (Moscow), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1617-581X, e-mail: valery.engel@yandex.ru.

The author answers whether the absence of a generally accepted international definition of the term «extremism» is an obstacle to cooperation between different countries in the fight against extremism. He analyses the legal features of the three wide-spread definitions of modern extremism and concludes that each of them is based on a threat to the basic values of the state. The absence of a single standard of extremism is explained by the fact that each of the countries has its own specific values and standards of social structure. Each of the models of extremism implies the presence of different groups of extremists. At the same time, analysing the trends in the legislative

practice of different countries, the author concludes that security interests have become priorities for voters in the face of the growing terrorist threat, and this has encouraged even those countries that traditionally belong to the camp of «old democracies», to adjust their views on traditional democratic values and to depart from them under certain circumstances. In the future, this may lead to a convergence of positions of different countries in the assessment of extremism.

Key words: extremism, terrorism, discrimination, racial superiority, hatred, social group, democratic values, legal system, social security

For citation: Engel' V. (2021) Contemporary definitions of extremism: a comparative analysis. In *Rossiiskii juridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. , DOI: 10.34076/20713797_2021_5_.

References

Allen C. (2019) The UK's «Hateful Extremism» report: more muddled thinking on an already over-crowded pitch. In *Open Democracy*, 18 Oct., available at: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/hateful-extremism-and-radical-right-we-need-new-definitions/> (accessed: 08.09.2021).

Antiekstremistskaya politika v Rossii, Kazakhstane, Kyrgyzskoi Respublike i Tadzhikistane. Sravnitel'nyi obzor [Anti-extremist policies in Russia, Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Tajikistan. A comparative review] (2020). Moscow, Tsentr «Sova», 71 p., available at: <https://www.sova-center.ru/files/books/wg-4-2020-rus.pdf> (accessed: 08.09.2020).

Engel V. (2018) Europe is caught in a wheel of xenophobia. In *Fair Observer*, 8 Nov., available at: <http://www.fairobserver.com/region/europe/xenophobia-europe-anti-semitism-islamophobia-far-right-politics-news-87102/> (accessed: 08.09.2021).

Engel V. V. (Ed.) (2017) *Ksenofobiya, radikalizm i prestupleniya na pochve nenavisti v Rossii. Ezhegodnyi doklad. 2016 god* [Xenophobia, Radicalism and Hate Crimes in Russia. Annual report. 2016 year]. Moscow, Editus, 53 p., available at: <https://www.ru.civic->

nation.org/upload/iblock/a11/a11382a6978c5ed4ae54ac7fb249bb84.pdf (accessed: 08.09.2021).

Jackson S. (2019) A schema of right-wing extremism in the United States. In *ICCT Policy Brief*. Oct., available at: <https://icct.nl/app/uploads/2019/11/ASchemaofRWEXSamJackson-1.pdf> (accessed: 08.09.2021).

Simms J. (2018) Are we talking about extremism all wrong? In *New America*. 27 Sept., available at: <https://www.newamerica.org/weekly/are-we-talking-about-extremism-all-wrong/> (accessed: 08.09.2021).

STRIVE for development (2016). Luxembourg, Publications Office of the European Union, available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/fa674e18-7974-11e6-b076-01aa75ed71a1> (accessed: 08.09.2021).